

4. Полянская О. Н. Профессор О. М. Ковалевский и Бурятия (1-я половина XIX века). — Улан-Удэ, 2001. — 140 с.
5. Полянская О. Н. Преподавание восточных языков в духовных заведениях России // Православие: миссионерство и дипломатия в Сибири: материалы всерос. науч.-практ. конф. (Улан-Удэ, 14–15 января 2010 г.). — Улан-Удэ: Издательство Бурятского госуниверситета, 2010. — С. 334–344.
6. Полянская О. Н. Эпистолярное и дневниковое наследие монголоведа О. М. Ковалевского (1828–1833). — Улан-Удэ, 2008. — 228 с.
7. Романов Н. С. Летопись города Иркутска за 1881–1901 гг. / Издание подготовлено Н. В. Куликаускене. — Иркутск, 1993. — 544 с.
8. URL: http://irkipedia.ru/content/orlov_aleksandr_matveevich

УДК 27-788

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-64-70

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОГО МОНАШЕСТВА В ЖИЗНИ СОЦИУМА

© **Николай** (Кривенко Алексей Владимирович)

игумен, Улан-Удэнская и Бурятская епархия Московского патриархата,
наместник Посольского Спасо-Преображенского мужского монастыря
E-mail: ier-krivenko@yandex.ru

© **Дари Шойбоновна Цырендоржиева**

доктор философских наук, профессор, Бурятский государственный
университет
E-mail: dari145@mail.ru

В статье раскрывается роль православного монашества, которая сводится к сохранению, передаче и развитию религиозного содержания в духовной культуре. Монастырь занимается не только производством и развитием религиозных идей и ценностей, но и их обоснованием, что обуславливает развитие в уединенных стенах монастырей философских основ вероисповеданий. В XX веке в связи с реальными изменениями политических систем и секуляризацией Русская православная церковь разделила свою деятельность на две сферы: горизонтальную — служение людям для искоренения зла в социальной жизни, и вертикальную — спасение людей, ведение их к Богу. Подчиненные церкви монастыри стали активными проводниками доктрины активного служения. Монастырь использует духовную культуру для оформления религиозного пространства и практики, а также для установления экономических связей с миром.

Ключевые слова: православие, монастырь, монашество, церковь, религия, аскеза, духовная культура.

ROLE OF THE RUSSIAN ORTHODOX MONASTICISM IN THE LIFE OF SOCIETY

Nicholas (Krivenko Aleksey Vladimirovich)

Hegumen, Ulan-Ude-Buryatia Eparchy of Moscow Patriarchy, Dean of Spaso-Preobrazhensky monastery

Dari Tsyrendorzhieva

Doctor of Philosophy, Professor, Buryat State University

The article explores the role of Orthodox monasticism, which is to preserve, transfer and development of its religious content in the spiritual culture. The monastery is not only the production and development of religious ideas and values, but also their reasoning that was to develop in the walls of the secluded monasteries philosophical foundations of the religions. In the twentieth century, in connection with the actual changes of political systems and secularization, the Russian Orthodox Church has divided the Church into two areas: horizontal — serving people to eradicate the social evil in life, and vertical rescue people, leading them to God. Subordinate to the Church, the monasteries became active agents of the doctrine of active service. Monastery uses spiritual culture for registration of religious spaces and practices, as well as to establish economic ties with the world.

Keywords: Russian Orthodox, monastery, monasticism, church, religion, asceticism, spiritual culture.

Монастырь как религиозная общность по мере его институализации постепенно превращается в уникальный центр сохранения, передачи и развития религиозных ценностей и опыта. Эта уникальность была обусловлена, во-первых, высококонцентрированным бытием в монастыре религиозных идеалов, во-вторых, длительным доминированием в социальном составе монастырей образованных людей и, в-третьих, значительным отстранением от мирских реалий общества и наличием свободного времени для духовного (не только молитвенного) труда. Таким образом, монастырь осуществляет культурно-транслирующую функцию.

Каждый монастырь не только воспроизводил все это для себя, но и в силу необходимости общения с миром для выживания оказывал религиозные услуги и являлся образцом религиозного идеала. Многие монастыри по мере технического развития и формирования товарно-денежных отношений стали специализироваться на производстве определенных предметов религиозного культа, способствуя тем самым более эффективной передаче религиозных идей. Деятельность отдельных монахов обуславливала изменения содержания отдельных религиозных идей и ценностей или появление новых сначала в стенах монастырей, распространяя этот опыт через свою деятельность в церкви и в миру. Понятно, что сам факт распространения говорит о наличии социальных потребностей этого изменения, о соответствии религиозным ожиданиям. Православный монах иконописец Андрей Рублев своим примером показывает, как личное восприятие Бога в качестве любящего милосерд-

ного существа воплотилось в его живописи, заменив собой образ карающего Бога, актуализировав идеи любви, гармонии между человеком и Богом, возможность их сближения, отразив «взросление» православия.

Монастырь занимается не только производством и развитием религиозных идей и ценностей (Бога, веры, аскезы и т. п.), но их обоснованием, что подтолкнуло к развитию в уединенных стенах монастырей философских основ вероисповеданий. Философское сознание, представляющее собой концептуальный уровень сознания, духовно-практическое освоение действительности на основе глубинного распрямления и саморефлексии, использовалось церковью в качестве метода и одной из форм концептуального уровня религиозного сознания, предполагающего выход к интеллектуальной интуиции (катарсиса). Таким образом, монастыри стали местом осознания религиозных традиций и нового их осмысления.

Нередко интеллектуальная деятельность по осмыслению догм и канонов давала радикальные результаты, рождая в стенах монастырей ереси, которые либо осваивались (если не касались сущности и не акцентировали иные ценности), либо жестоко уничтожались. Самая крупная ересь, рожденная в уме католического монаха Мартина Лютера, привела к отрицанию им монашества как такового, породив протестантизм.

Православное монашество в самой России также имело опыт ересей, нередко охватывающих целый монастырь. Подавление ереси заканчивалось обычно отправлением монахов на перевоспитание в другие монастыри. Например, в начале XX в. распространившаяся в Молдавии ересь иеромонаха Иннокентия из Феодосиевского мужского монастыря — «иннокентьевщина», — учила о скором наступлении конца света и спасении через Иннокентия как явленного Святого Духа и завершилась заключением зачинателя в Соловецкий монастырь. Редко, но случалось и постепенное признание некоторых еретических аспектов их деятельности («капитоновщина» как представители «нестяжателей»). Вне России одна из крупнейших ересей — «имяславцев» — возникла в начале XX в. на Афоне, знаменитом свободным обсуждением религиозных вопросов. Эта ересь разделила монашескую братию на «имяславцев» и «имяборцев». Военной силой ересь была ликвидирована, причем нераскаившихся не сослали в монастыри, боясь распространения ереси, а распустили по местам приписки [1, с. 252–273]. Тем не менее итогом закончившихся споров стало признание Синодом присутствия Бога в упоминании Его имени во время молитвы, хотя само имя Спасителя не считалось тождественным Богу.

В общем от первоначальных прагматично религиозных целей монастырь отошел и стал системой культурного воспроизводства и развития, хотя и в рамках религиозной культуры. По сути, монастырь оформился как институт культуры, который организовывал в стенах монастыря или материально поддерживал вне его производство универсальных форм культуры, используя их для оформления религиозного содержания и развивая их настолько, насколько этого требовал религиозный аспект культуры.

В целом границы влияния монастырей на духовную культуру общества устанавливаются цивилизационными особенностями, религиозными фор-

мами и содержанием, уровнем секуляризации общества, а также соответствием религиозных ценностей общечеловеческим потребностям. Сама же роль монашества в духовной культуре сводится к сохранению, передаче и развитию его религиозного содержания и в религиозной, и светской форме развития культуры, форме ее исторического существования и воплощения смыслов.

Монастырь в отличие от церкви стал наиболее последовательной формой религиозного института. Это проявилось в наиболее полном осуществлении религиозных идеалов, связанных прежде всего с различием целей этих институтов. Так, церковь призвана распространять веру, что отражается в ее большей активности в качестве социального института, поэтому церковь непосредственно связана с мирским, она — открыта. Монастырь призван творить добродетель, стяжать святость, приумножать чистоту, помогать спастись, что предопределило его изоляцию «от мира», активированную впоследствии церковью и обществом в своих интересах. Правда, монашеская активность не сравнима с церковной, ведь монастырь — закрытое общество, в котором общение с миром сведено к минимуму. Различия монастыря и церкви касаются и силы аскезы. В монастыре аскеза носит более регулярный и строгий характер, предполагая обеты нищенства, безбрачия и послушания, а также повседневного внешнего контроля (который вполне сочетается с внутренним). Православная высшая иерархия является монашествующей, для простых служителей это не обязательно, хотя священник в монашеском сане особенно почитаем. Таким образом, монастыри являются «кузницей» идеальных кадров церкви.

Православное монашество изначально отличалось низкой социальной активностью. Это его положение связано с православным восприятием мира как носителя зла, что уже изначально ориентировало православие на потусторонние ценности. Здесь провозглашалась возможность преображения только отдельного человека и своими собственными усилиями. При этом признавалась ценность любви как активного начала, а также ценность личности — носителя божественного начала. Возможность же слиться с Богом при жизни как определенный гарант спасения подталкивала к подвижничеству, порождая примеры святости доказательства истинности христианства для верующих, возвышая авторитет созерцательно-мистической аскезы.

Церковь, достигающая всеединства верующих душ — соборности, является сферой присутствия Бога на Земле, через которую и происходит спасение. Церковная отрешенность от мира считалась идеалом, а социальная активность церкви сводилась более к распространению ореола веры и нравственной жизни через житие святых, чем к получению реальной власти (хотя церковная история и этого соблазна не избежала), поддерживая христианское государство как форму установления божественного порядка, способ его распространения. Так что церковь постепенно оказалась в ситуации зависимости от государства и, несмотря на изначальную инобытийную ориентацию, была втянута в общественные отношения, избегая чрезмерного обмирщения. В XX в., в связи с реальными изменениями политических систем и секуляризацией русская православная церковь признала факт ценности земного мира

(для самоутверждения в изменившемся революционно настроенном мире), разделив деятельность церкви на две сферы: горизонтальную — служение людям для искоренения зла в социальной жизни, и вертикальную — спасение людей, ведение их к Богу. Подчиненные церкви монастыри стали проводниками доктрины активного служения.

Удовлетворение монашеством религиозных ожиданий мирян было связано с тем, что монастыри чаще всего воспринимались как островки посторонней чистоты и святости, концентрации божественной благодати, опыта общения с Богом, что подпитывало веру и рождало вдохновение на индивидуальный духовный подвиг. Особенность государственного подчинения православного монашества на Руси направляла его активность.

Становясь полноценными участниками экономических отношений, монастыри превращались в собственников, что было необходимым для элементарного самообеспечения и благотворительности условием. Формирование экономической основы монастырей началось в недрах аграрного общества, что обусловило приоритет земельных владений или скота в качестве их главного богатства. Да и в условиях индустриального и постиндустриального обществ земля оставалась в силу доминирования натуральной основы монастырского хозяйства одним из главных богатств монастырей. Необходимость земельной собственности связывалась также, во-первых, с признанием необходимости физического труда для спасения, во-вторых, с использованием земли как товара или как места для постройки новых религиозных объектов, в-третьих, с отсутствием государственной и церковной финансовой поддержки (современная Россия). Приоритетность духовного содержания деятельности перед экономическим в силу нацеленности на достижение инобытия способствовала абсолютному доминированию натуральной экономики, аграрного характера ее экономической основы, что при воспроизводстве основных религиозных ценностей поддерживало оптимальное обмирщение современного монастыря.

Так как главным политическим институтом является государство, то рассматривать роль монашества в данной сфере жизни социума следует сквозь призму его взаимоотношений с государством.

Православные монастыри Византии, будучи и царскими, и патриаршими, и частными, и независимыми, использовались в начальной борьбе между императорами и церковью, нередко вставая в оппозицию каждой из сторон. Возникшие православные монастыри на Руси, относительно не зависимые на начальном этапе, с формированием феодальных отношений и в силу зависимости церкви от государства постепенно попали под контроль государства. Даже упорядочение всей системы монастырей произошло не церковью, а государством в XVIII в. посредством деятельности Святейшего Синода во главе с чиновником, контролировавшим численность монастырей, переходы монахов из одного монастыря в другой. Таким образом, российское государство определяло и формировало степень политизированности монашества, используя его аскетические резервы, жажду христианизации мира и закрытый характер.

Приоритетность идеи отшельничества и подвижничества при наличии свободного пространства на востоке вели к тому, что в результате деятельности этих монахов происходило освоение языческих земель, включаемых потом в состав государства. Так, монах Стефан в XIII в. шел к коми — зырянам с грамотой от московского князя, что автоматически включало христианизированные земли в состав этого княжества с учреждением епархии [2]. Монастыри на западных окраинах Руси фактически были пограничными заставами, которые осуществляли защиту границ и собирали пошлины.

Начиная с эпохи правления Ивана Грозного монастыри стали активно использоваться в качестве мест наказания и духовного исправления, образовалась группа «исправительных» монастырей. В XIX в. самыми «популярными» в этом отношении монастырями были Суздальский Спасо-Ефимиевский монастырь, Соловецкий монастырь, Тамбовский Вознесенский женский монастырь [1]. В такие монастыри заточались нерадивые, беглые или совершившие преступление монахи, приговоренные монастырским приказом (а позже — Синодом) светские лица, душевнобольные, а также дети 10–14 лет за вероотступничество, безнравственное поведение, различные виды уголовных преступлений. Также монастыри стали местом заточения и неугодных государству людей (Василий Шуйский, Никон, Софья Алексеевна, Петр III и т. п.). Исправление проводилось в формах несения трудовой повинности на «черных работах», усиленной физической аскезы — от епитимьи самобичевания до длительного бдения в молитвах, одиночного заключения. Но не во все времена и не все монастыри исправно служили государству. В годы крестьянских волнений в войсках Е. Пугачева и С. Разина немало было беглых монахов; широко известен факт восстания против никоновской реформы Соловецкого монастыря (1668–1676) и т. п. В общем русском монашестве воспроизводилось российское отношение к государственной власти без претензий на участие в управлении.

Секуляризация общественной жизни, последовавшая за Февральской революцией 1917 г. и приходом к власти большевиков, радикальнее, чем на Западе, в условиях формирования тоталитарного режима и сопротивления отдельных монастырей новым порядкам свела их участие в политической жизни к нулю. Деятельность сохранившихся монастырей была поставлена под полный контроль. Для повышения нравственности населения изоляционная аскеза монашеством была заменена на деятельность в миру, что еще раз доказывает факт вынуждения государством монастырей к определенной степени социальной активности.

Таким образом, монашество, будучи порожденным религией, являет себя в общей системе социума в качестве феномена духовного бытия общества, воспроизводя и обновляя духовную культуру, духовные ценности и духовный опыт. Монастырь использует духовную культуру для оформления религиозного пространства и практики, а также для установления экономических связей с миром. В стенах монастыря в силу относительной замкнутости его жизни формируются основные структуры сохранения и передачи культурной информации. Несмотря на их направленность к осуществлению религиозных интересов, используются и развиваются универсальные формы воплощения

культурных смыслов — искусство, литература, музыка. Также при организации процесса достижения культурно-духовных целей были созданы и использованы такие универсальные системы, как библиотеки, музеи, система образования, исследовательские лаборатории, что позволяет назвать монастырь институтом культуры. Несмотря на единичность качества духовного опыта, монастырями поддерживается ценность духовно-нравственного идеала, делая институт монашества одним из основных проводников духовного бытия, предоставляя новые границы для социального совершенствования.

Литература

1. Зырянов П. Н. Русские монастыри и монашество в XIX и начале XX века. — М., 1999. — С. 252–273.
2. Святитель Стефан Пермский / под ред. Г. М. Прохорова. — СПб., 1995. — С. 21.

УДК 27-565.73(571.54)

DOI: 10.18101/978-5-9793-0756-5-70-77

ПРАЗДНОВАНИЕ ТРОИЦЫ В С. ОЙМУР КАБАНСКОГО РАЙОНА БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

© **Сэсэгма Гэндэновна Жамбалова**

ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доцент, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
(ИМБТ СО РАН)

E-mail: zhambalovas@yandex.ru

В статье на основе полевых материалов рассматривается празднование Троицы в реалиях советского предвоенного русского прибайкальского села. Обнаружена его специфика, мотивы, установлена степень соответствия христианским канонам в отсутствие церкви и священнослужителей, выявлена степень понимания мифологического, исторического, символического, практического содержания праздника. Выявлено, что сохраняются ритуальные действия, связанные с березой, символом счастливого дерева и женского начала, покровительницы молодых женщин и девушек. Эти символы возрождения природы и отголоски весенних девичьих гуляний свидетельствуют о сохранении народного пласта праздника. Проведенное исследование позволяет прийти к следующим результатам. В советское атеистическое довоенное время у русских побережья Байкала сохраняется традиция массового празднования Троицы в специфической форме. Атеистический прессинг привел к утрате основных христианских канонов и деформации народных представлений, лежащих в основе Троицы. Сохранившиеся некоторые элементы обычаев народной жизни, связанные с культом растительности и идеей возрождения природы, а также отголоски половозрастных обрядов перехода в следующую возрастную группу представлены довольно аморфно. Степень понимания мифологического, исторического, символического, практического содержания праздника довольно низкая. В то же время сам факт празднования Троицы в этих условиях позволяет считать, что у